

На правах рукописи

НЕКИПЕЛОВА Ирина Михайловна

**МЕТОНИМИЧЕСКАЯ И МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ
В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

(на материале памятников деловой письменности

XI–XVII веков)

10.02.01 – Русский язык

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Казань – 2005

Работа выполнена на кафедре современного русского языка и его истории филологического факультета государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования “Удмуртский государственный университет”.

Научный руководитель – доктор филологических наук
Баранов Виктор Аркадьевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
профессор
Николаева Татьяна Михайловна

кандидат филологических наук
доцент
Андреева Людмила Сергеевна

Ведущая организация – Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования “Волгоградский государственный
университет”

Защита состоится 9 июня 2005 года в 9.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования “Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина” по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ГОУВПО “Казанский государственный университет”.

Автореферат разослан 7 мая 2005 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

Т.Ю. Виноградова

Актуальность исследования. Метафора неоднократно привлекала внимание исследователей русского языка. Существует точка зрения, что метафора – достаточно исследованное явление, что интерес к ней поддерживается только силой традиции (Е.О. Опарина). Однако, несмотря на кажущуюся изученность этого языкового явления, интерес к нему не угасает, напротив, все больше исследователей пытаются раскрыть загадку создания и функционирования метафоры. В лингвистике существует множество исследований, посвященных развитию семантики языковых единиц в синхронии и диахронии (работы отечественных лингвистов – Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А.Н. Веселовского, В.В. Виноградова, В.М. Жирмунского, Ю.Н. Караулова, В.В. Колесова, М.А. Кронгауза, Ю.М. Лотмана, А.Г. Лыкова, В.М. Маркова, М.В. Пименовой, А.А. Потемни, А.И. Федорова, А.П. Чудинова, А.Д. Шмелёва, Д.Н. Шмелёва и др.; зарубежных – Д. Бикертон, М. Бирдсли, М. Блэка, Н. Гудмена, А. Вежбицкой, М. Джонсона, Т. Добжиньской, Д. Дэвидсона, В. Каминьски, Э. Кассирера, Дж. Лакоффа, С. Левина, Э. Лендваи, Э. МакКормака, А. Миллера, Х. Ортега-И-Гассета, Э. Ортони, П. Рикёра, А. Ричардса, Р. Серля, Ф. Уилрайта, Р. Якобсона и др.). Зачастую изучение метафорических образований носит междисциплинарный характер. При исследовании когнитивных возможностей метафоры привлекаются данные философии, психологии, логики.

Истоки изучения метафоры связывают обычно с именем Аристотеля. Ему принадлежит одна из первых классификаций метафоры, на которую ссылаются едва ли не все современные исследователи. Несомненно, был прав А.А. Потемня, определивший первое и второе *перенесение* в определении Аристотеля как синекдоху, третье – как метонимию и только четвертое как метафору. Однако именно ориентация на аристотелевское понимание и определение метафоры породила разные подходы к характеристике этих образных средств языка и терминологическую недифференцированность. Некоторые ученые выделяют все указанные тропы как самостоятельные (Н.А. Илюхина, А.А. Потемня, А.А. Реформатский), другие объединяют в одну группу метонимию и синекдоху как разновидность метонимии (М.И. Фомина), третьи рассматривают метонимию и синекдоху как особые случаи метафоры (Р. Серль). Неточность последнего подхода заключается в том, что, хотя метонимия и напоминает внешне метафору, так как соединяет объекты возможной между ними связью, которая зачастую является окказиональной, в основе метонимических изменений лежат процессы уподобления объектов, а в метафорических – сравнения. Основания для семантических сдвигов являются существенным критерием для различия метонимии и метафоры, поскольку, по мнению В.В. Колесова, “тождество при уподоблении и сходство при сравнении в истории развития мысли представляют собою совершенно различные уровни сознания”.

В основном исследователи склонны не различать образные средства, объединяя их по признаку переноса названия одного предмета на другой. Этот подход отражает широкое понимание метафоры, при котором четко видна тенденция к называнию одним термином *метафора* любого способа косвенного и образного выражения смысла. В работах отечественных и зарубежных исследователей в рамках теории когнитивной лингвистики зачастую не акцентируются

различия между *символом* и *метафорой* (А.С. Демин). Изучая мифологическое мышление, исследователи используют термины *базисная метафора*, *мифологическая метафора*, подменяя ими понятия *символ* и *миф* (Э. Кассирер). Лежащее в основании метафоры сходство объектов при их сравнении позволяет называть метафору *эллиптическим сравнением* (Дж. А. Миллер, М. Блэк).

Узкое понимание метафоры связано с выделением ее в качестве самостоятельного тропа и исключает отнесение к числу метафор обычно причисляемых к ним метонимии, синекдохи, сравнения, символа и других образных средств. Под *метафорой* мы понимаем процесс замещения компонентов в смысловой структуре слова, свойственным первоначальному понятию, компонентами, определяющими включение слова в иную лексико-семантическую группу / класс, на основе сравнения присущих сравниваемым объектам внутренних признаков, функций. Трудность характеристики метафоры заключается в лежащих в ее основе сложных психологических ассоциациях, которые трудно интерпретировать как простое сходство значений по отдельным компонентам, так как в логических моделях метафор ассоциативный образ является имплицированным звеном между двумя словесными компонентами.

Разработано множество теорий изучения метафоры. В рамках этих теорий привлекался также исторический материал, исследовались семантические изменения в смысловой структуре слов в средневековых текстах и поэтика древнерусских памятников. Не соответствует действительности традиционное мнение о том, что древнерусские тексты насыщены метафорами, представляющими собой образования, аналогичные современным. Одним из основных отличий современной метафоры от исторической является её выражение через разнообразные грамматические и синтаксические конструкции, присущие современной стадии развития языка и неприемлемые для древнерусского языка. Так, современную метафору разделяют на виды: диафора (“Жизнь – есть сон”) и эпифора (“Голуби на травяном увы”) (Ф. Уилрайт), в основе которых лежит нестандартное употребление слова в тексте. Для текстов XI–XVI веков не были типичны подобные конструкции, поэтому необходимо исследовать метафорические изменения с учетом тех синтаксических конструкций, посредством которых строился древнерусский текст. Несмотря на основательную разработанность теории метафоры, в науке невыявленными остаются критерии разграничения метонимической и метафорической деривации, их реализация в определенные эпохи развития языка. До недавнего времени открытой оставалась проблема характеристики языковых образных средств, встречающихся в древнерусских текстах.

Каждое явление языка должно изучаться с учетом вне- и внутрилингвистических факторов. Изучение метафоры в *культурно-историческом аспекте* выносит на первый план определение времени появления метафоры и выражение посредством образных средств языка особенностей ментального мышления славян в разные эпохи развития русского языка. Анализ материала деловых памятников XI–XIV веков подтверждает мнение В.В. Колесова о том, что “те метафоры, которые современный исследователь видит в древнерусских текстах, метафорами не являются”. Употребление метафоры в древнерусском языке невозможно, так как образность текстов этого времени состоит в раскрытии символа, реализую-

щегося с помощью различных средств уподобления и аналогии. Лишь с XV века на славянской почве активно развивается языковая категория абстрактности, происходит постепенная актуализация метафорических связей в слове и в тексте.

Необходимо также акцентировать внимание на культурных связях славян, исследовать семантические заимствования, учитывать факторы, сопровождавшие этот процесс: когда, каким образом, вследствие каких исторических процессов заимствование попало на славянскую почву, какой была его дальнейшая судьба. В изучении семантических калек особенно важным является период принятия христианства на Руси, когда заимствованные греческие христианские символы и метафоры попали в систему русского языка и начали переосмысляться под воздействием лингвистических и ментальных факторов.

В *жанрово-стилистическом аспекте* семантические изменения исследуются в рамках становления системы жанров и стилей языка. Актуальность вопроса о взаимосвязях образных средств обусловлена их ролью в преобразовании смысловых структур в эволюции жанрово-стилевых форм. Описанию лексико-семантических изменений в переводных и собственно древнерусских и средне-русских текстах посвящены работы Н.Ф. Алефиренко, Л.С. Андреевой, Е.А. Андрущенко, В.М. Быковой, В.В. Васенькина, Л.В. Вялкиной, О.А. Горбань, А.С. Демина, С.В. Друговейко, В.Ф. Дубровиной, Н.С. Ковалева, В.В. Колесова, О.Н. Кондратьевой, Д.С. Лихачева, Г.Н. Лукиной, И.И. Макеевой, П.И. Мельникова, Е.Н. Мещерской, Т.М. Николаевой, М.О. Новак, О.В. Прискоки, Т.П. Рогожниковой, О.А. Черепановой и др.

Проблему метафоричности исследователи рассматривают в основном на материале текстов религиозных жанров, поскольку считалось, что именно в них наиболее богато отражена система образных средств, в то время как деловая письменность лишена образности. Нельзя согласиться с позициями Ф.А. Хайдарова и Б.А. Успенского, которые говорят о независимости делового письма от книжного влияния после XII–XIII веков. На материале деловых текстов нами показано, что, попадая на славянскую почву, греческие заимствованные символы получали дальнейшее развитие не только в церковно-книжной сфере через толкование символа, но и в сфере деловой письменности.

Исследование лексики деловых текстов XI–XVII веков дает богатый материал для изучения семантических изменений в смысловой структуре слов в истории языка и тесно связано с исследованием процессов формирования языка русской нации, при изучении которого необходим анализ языкового материала памятников разных жанров. Этой проблеме посвящены работы Н.А. Антадзе, Н.Г. Благовой, В.Н. Вакурова, С.С. Волкова, В.Я. Дерягина, В.М. Живова, Т.А. Лисицыной, Е.Ф. Мишиной, Л.Н. Русиновой, Г.П. Снетовой и др. С XVI века возросла роль деловой письменности, которая к тому времени обслуживала все сферы социально-экономической жизни России. Именно деловая письменность породила фразеологию и терминологию, в основе которых оказались метонимические и метафорические выражения.

Деловая письменность представлена большим количеством *жанров*, что было обусловлено широкой сферой ее применения и различной функциональной направленностью ее разновидностей. Наличие книжно-письменных и народно-

разговорных элементов в различных деловых текстах также зависит от характера и предназначения документа (его жанровой характеристики), времени его написания, образования и социального статуса писца, составлявшего документ.

Связанным с жанрово-стилистической характеристикой является *фактор авторства*. Авторское начало проявлялось в создании и в употреблении метафорических образований, поскольку для окказионального употребления слова большое значение имеют авторская личность и индивидуальный стиль.

Важную роль в изучении семантических изменений играет *аспект системности языка*. Изменение семантики слова влечет за собой изменения на всех уровнях языковой системы – лексическом, грамматическом, словообразовательном, синтаксическом. При исследовании метафоры и метонимии необходимо учитывать особенности развития уровней языка в соответствующий исторический период, так как их черты не соответствуют современному состоянию.

Метонимические и метафорические процессы деривации русского языка в их различиях и сходствах в основных разновидностях деловой письменности XI–XVII веков комплексному анализу не подвергались. Актуальным является системное исследование изменений семантики слов в историческом аспекте с учетом парадигматических и синтагматических отношений с другими языковыми единицами и особенностей их функционирования в деловых текстах XI–XVII веков на разных этапах процесса формирования национального языка.

Целью работы является исследование процессов метафорической деривации в сопоставлении с метонимической в текстах различных жанров деловой письменности XI–XVII веков в историческом развитии с учетом внутриязыковых и экстралингвистических факторов.

Для этого важным является решение следующих **задач**:

- 1) выявление слов в образном употреблении в деловых текстах XI–XVII веков;
- 2) определение критериев для разграничения метонимии и метафоры;
- 3) разграничение семантических дериватов (метонимия и метафора);
- 4) компонентный, стилистический и функционально-семантический анализ дериватов с учетом времени их возникновения и особенностей функционирования в текстах деловой письменности XI–XVII веков;
- 5) определение роли заимствованных из греческого языка христианских символов и метафор и описание их функционирования в деловых текстах;
- 6) определение роли авторского начала и жанрово-стилистической специфики в процессе создания и функционирования семантических дериватов.

Объектом нашего исследования являются процессы метафоризации слов в сопоставлении с процессами метонимизации в истории языка, образование и функционирование метонимических и метафорических дериватов в древнерусских и среднерусских текстах. **Предметом** анализа стали слова, являющиеся метафорическими и метонимическими дериватами, в текстах различных жанров деловой письменности XI–XVII веков.

При изучении и описании материала использовались различные **методы исследования** языковых единиц. Методологическая основа исследования обусловлена положениями о системности языка, непрерывности семантических изменений в процессе эволюции, отражении в языке ментального восприятия сла-

вян. При комплексном изучении языковых единиц анализу подверглись их внутренняя системная организация, парадигматические и синтагматические отношения с другими единицами, особенности их функционирования в тексте, тенденции развития, что позволило получить наиболее полное знание об объекте исследования.

Исторический и сравнительно-исторический методы позволяют сопоставлять языковые особенности текстов и обнаруживать закономерности развития образной системы древнерусской письменности. Сопоставление лексики разновременных деловых текстов позволяет определить время возникновения метафорических дериватов.

При использовании *структурного метода* реализуется возможность проведения синхронного анализа дериватов и их функционирования во взаимодействии с единицами смежных языковых уровней. Обращаясь к исследованию семантической деривации в истории языка, отражающей системность взаимосвязанных элементов, мы исходим из принципа неразрывности синхронного и диахронного подходов к изучению языковых фактов.

Использование элементов *текстологического метода* позволяет проводить сравнительный и исторический анализ частей документов, формул и терминов, исследование языковых средств с учетом роли автора в построении делового текста. При текстологическом изучении древнерусских актов необходимо учитывать время написания документа, отнесение его к определенному жанру, характеристику лица, составлявшего документ, принадлежность писца к определенному сословию и в связи с этим отражение письменно-книжных, народно-разговорных, общерусских элементов и традиций делового письма, а также проявлений индивидуальности писца. Все эти факторы определяют способность автора к окказиональному употреблению слов в тексте, которое прежде всего характеризует метафорические дериваты.

Использованы элементы *количественного метода* исследования, позволяющие описывать функционирование семантических дериватов в тексте с точки зрения частотности их употребления, количественного соотношения метонимических и метафорических образований с учетом их распределения по жанрам и времени написания текстов. Простая констатация наличия семантических дериватов, встречающаяся в большинстве исследований, недостаточна для анализа семантики языковых средств: без использования количественного анализа невозможно точно установить время образования, развития и активизации метафорической деривации.

При комплексном исследовании процессов деривации наряду с традиционными методами используются методы *компонентного, контекстуального, функционально-семантического и стилистического* анализа.

Компонентный анализ используется при рассмотрении семантической структуры слова: понятия *категориально-лексическая сема, дифференциальная сема, потенциальная сема, лексико-семантическая группа/класс, лексико-семантическая категория* отражают иерархию компонентов семантики слова. Актуализация, нейтрализация или смена компонентов приводит к изменениям в смысловой структуре слова.

Необходимость *контекстуального анализа* обусловлена тем фактом, что семантические изменения в словах мы можем проследить только в сохранившихся текстах. Можно лишь предположить возможность существования в языке (в речи) отсутствующих, не отраженных в текстах звеньев в развитии смысловой структуры слов. Результаты анализа подтверждают ошибочность подхода к исследованию семантики языковых единиц в историческом аспекте на основании их функционирования в современном русском языке, перенесения современных представлений на более ранние эпохи существования языка.

Функционально-семантический анализ и стилистический анализ позволяют выявить синтагматические и парадигматические связи слов в процессе их функционирования в тексте. Актуальным для нашего исследования является разграничение понятий “значение” и “смысл”. В русле общего подхода к исследованию семантики слова в языке и речи (тексте) мы разграничиваем вслед за С.П. Лопушанской и О.А. Горбань такие понятия, как семантическая структура слова, сложившаяся в системе языка, и смысловая структура словоформы, функционирующая в контексте. В первом случае мы говорим о парадигматических отношениях деривата в системе языка, во втором – об окказиональном употреблении слова на синтагматическом уровне, так как при изучении функционирования слова важной становится характеристика реализации слова в тексте.

Материалом для исследования послужили разнообразные по структуре и содержанию тексты разных жанров деловой письменности, опубликованные в сборниках “Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.”, “Смоленские грамоты XIII–XIV вв.”, “Духовные и договорные грамоты удельных князей XIV–XVI вв.”, “Новгородские грамоты на бересте”, “Грамоты Великого Новгорода и Пскова”, “Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край”, “Акты социально-экономической истории севера России к. XV–XVI в.”, “Законодательные акты русского государства вт. пол. XVI – перв. пол. XVII в.”, “Вести-Куранты”, “Памятники литературы Древней Руси”, “Акты писцового дела”, “Дополнения к Актам историческим”, “Акты, относящиеся к истории Западной России”, “Акты феодального землевладения и хозяйства”, “Памятники южновеликорусского наречия”, “Грамотки XVII – н. XVIII в.”, сборники актов, собранные Г.Ф. Миллером, Л.В. Столяровой. Исходя из социальной значимости документов, сферы использования и наличия или отсутствия отношений “пишущий – адресат”, поскольку эти факторы определяют особенности языка документа, актуальным для характеристики функционирования семантических дериватов является деление текстов деловой письменности на официально-деловые (правительственно-административное делопроизводство и переписку) и частные (частно-деловые и эпистолярные). Всего было проанализировано более десяти тысяч случаев употребления метонимических и метафорических дериватов и конструкций с ними в древнерусских и среднерусских деловых текстах XI–XVII веков.

Научная новизна исследования состоит в комплексном подходе к изучению семантических преобразований на разных этапах развития языка, актуализации метафоричности слова и текста. При этом мы обращаемся к практически не изученным с этой точки зрения памятникам деловой письменности, различ-

ным по структуре и времени создания, которые традиционно исключаются из списка текстов, характеризующихся присущей высокому книжному стилю образностью и метафоричностью. Новизна определяется применением элементов лингвотекстологического, количественного методов и компонентного анализа в исследовании метонимических и метафорических дериватов, что ранее представлялось исследователям незначимым. В работе представлено обоснование неточности традиционного мнения о метафоричности древнерусских текстов (XI–XIV века), исследована история возникновения метафорической деривации (на протяжении XV–XVII веков), разработаны критерии разграничения метонимии и метафоры в истории языка.

Теоретическая и практическая значимость работы. Диссертационное исследование демонстрирует новый подход в изучении семантики образных средств деловых памятников, опирающийся на особенности развития языка в различные периоды его существования. Совокупность методов позволяет увидеть процесс формирования метафорических образований и их взаимодействие с метонимическими дериватами. Эти выводы, подкрепленные количественными подсчетами, позволяют оценить жизнеспособность дериватов и продуктивность возникающих в истории языка способов номинации, а также выявить направленность генеральных семантических изменений в русском языке древнего и средневекового периодов. Выводы и наблюдения автора, полученные в диссертации, ее основные положения и конкретный материал могут быть использованы при дальнейшей разработке проблем, связанных с исследованием лексико-семантических особенностей древнерусских и среднерусских текстов, а также в преподавании курсов историко-филологического цикла, при чтении спецкурсов по историческому и современному словообразованию и лексикологии.

Апробация работы проводилась на следующих научных конференциях и семинарах: 1. Международная научная конференция студентов, аспирантов и преподавателей “Подходы к изучению текста”. Ижевск, УдГУ, 23–25 апреля 2002. 2. Международная научная конференция “Язык в пространстве и времени”. Самара, СамГПУ, 29–30 октября 2002 г. 3. III Межвузовская научная конференция студентов и молодых ученых “Неделя молодежной науки Удмуртской Республики”. Ижевск, УдГУ, 21–25 апреля 2003 г. 4. VI российская университетско-академическая научно-практическая конференция. Ижевск, УдГУ, ноябрь 2003 г. 5. Международная научная конференция “II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность”. Казань, КГУ, 11–13 декабря 2003 г. 6. Всероссийская межвузовская конференция “Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи”. Соликамск, СГПИ, 19–21 февраля 2004 г. 7. Международная научная конференция “Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы”. Казань, КГУ, 4–6 октября 2004 г. 8. Семинар “История и современность русского языка: Текст. Методы. Компьютер”. Ижевск, УдГУ, 16 декабря 2004 г.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, списка словарей и списка источников. Объем основного текста составляет 255 страниц, общий объем диссертации – 284 страницы машинописного текста.

Содержание диссертации.

Во введении обоснована актуальность избранной темы, определяются цели и задачи исследования, дается характеристика предмета и источников исследования, сообщается об основных методах исследования, отмечается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе “Семантические деривационные изменения в смысловой структуре существительных” рассматривается образование и функционирование метонимических и метафорических дериватов-существительных. Обосновано влияние выражения категорий абстрактности и отвлеченности на процесс вторичных номинаций с исторической точки зрения, поскольку закономерности переосмысления семантики языковых единиц отражают особенности представлений человека о мире и своем месте в нем, этапы познания мира человеком. Процесс развития категории абстрактности шел по пути развития от конкретного через отвлеченное к абстрактному, поскольку, по мнению В.В. Колесова, “отвлеченность и абстрактность – два разных движения мысли”. Несмотря на то что в научной литературе эти термины часто рассматриваются как синонимичные, необходимо разграничивать понятия *отвлеченное* и *абстрактное*, так как в определенный исторический период соотношение конкретного с отвлеченным или с абстрактным несет различную семантическую нагрузку. Под отвлеченным понятием мы подразумеваем действие или признак в отвлечении от деятеля или носителя признака. Слово с абстрактной семантикой выражает нравственно-философские, религиозно-духовные понятия и категории.

В связи с этим при изучении и объяснении эволюции семантики языковых единиц принципиально важным является положение о соотношении конкретного имени с абстрактным понятием, являющееся типичным признаком метафорического мышления. Основной характеристикой метафоры является ее свойство сравнивать и сопоставлять несопоставимые понятия, явления, а для эпохи средневековья несопоставимыми являются абстрактное понятие и конкретный предмет. Именно их соотношение и обуславливает метафорический процесс познания абстрактных категорий посредством уже известных отвлеченных явлений и конкретных предметов.

I. Известно, что словесный знак в средневековых текстах является семантической синкретой, символом, на который ориентировано сознание. Метонимия способствует расширению объема понятия. В современном языке для процесса метонимической деривации используют термин “модели образования”, но по отношению к истории языка целесообразно говорить о лежащих в основании уподобления устойчивых семантических связях между реальными объектами: *обозначение времени пространством* отражает закономерность переосмысления временной семантики и переход в пространственный план, этот процесс связан с синкретичным представлением древних людей о пространстве и времени как протяженности: [ξφκ ,σν χ υε[[ωεχυ] ρφρ] φψ [ωτη] (В. Брехов Ф.В. Бородину. 1663); *обозначение пространства временем* отражает закономерность переосмысления пространственной семантики и переход во временной план: λφ νφυεηχρφυφ εχνμ□ δδτη[υητηχυβ φ.κφχφω 3 λψβ] (Отписка кетского воеводы. 1611); *обозначение действия (результата действия) орудием действия*: χβт

γβχτφ ηερβ τφτθ (Ф. Зиновьев Ф.Т. Вындомскому. 1697) /ηερφ в значении “почерк”/, ρφψμξζιζχζ ρψβυζ χβζ ηφερφ. υηειμψφφφρ βφφψφ (Именная запись писца Иоанна об окончании им книги. 1076) /ηερφ в значении “подпись”/ и пр. Одним из видов метонимического мышления является синекдоха, выражающая родо-видовые и видо-родовые отношения, которые проявляются в назывании предмета по его части и наоборот: φ πφ [φκφγμ. υφκφδδε πφ δχ□ρε. δπ□υβ γρ ξτνσητ ηε,κβ (Указ о присуждении в холопы людей. 1557–1558) /υφκφδφ в значении “человек, “душа” как единица обложения”/.

II. В современной лингвистике, как правило, не обращают внимания на различие между метафорой, используемой в качестве номинативного приема, и метафорой, сдваивающей представление о разных классах объектов. Однако эти процессы являются существенными для исследования развития метафоричности слова и текста в истории языка. На основании конструктивных различий метафорических образований мы выделяем несколько групп метафор.

1. В процессе создания вторичных номинаций в языке происходило образование метафорических дериватов на базе существительных с конкретным лексическим значением, которые приобретали постоянное метафорическое употребление и закреплялись в системе языка. В результате метафорических процессов слово φφψμ стало употребляться в значении “*смута, распря; война*”: ψφλφ,τ γητ;τ φφψ δ χδφβ θτσκэ γφυφχβνμ ψт;ткβ δ βψ3т θτσκβ βννβ δφтδφν (Перевод печатных вестовых тетрадей об осаде города Рошель. 1627–1628). Слово ;фкφ имело значение “*предательство*”: β0λφδψφ θφρησνφт ;фкφ φν ν\ηχρφφ ψψт ψφγφχкэлрф [φνρησкφχ (Переводы ведомостей, присланных из Польши. 1621). Семантические изменения в смысловой структуре существительных φφψμ, ;фкφ первоначально были связаны со значением греческих заимствованных символов. Слово υκφχ] употреблено в значении “*право заявлять свое мнение при решении государственных, общественных вопросов, а также само такое выраженное мнение*”: ξνφ, τω\ [φνβ , φλβψ υκφχ δ φυκβχρφφ χφβττ βэωνθ (Перевод печатных листов с вестями из Варшавы. 1652). Слово τχγφ имеет значение “*должность*”: κ.λβ φη[βтγβχρφγββ χтλ6ν γφ τχγνφφ ψφιβω (Грамота литовского великого князя Александра. 1502).

Во всех вышеприведенных контекстах существительные с конкретным лексическим значением приобретали абстрактное значение и выражали лексико-семантическую категорию абстрактности.

2. Одним из способов метафорического наименования являлась составная именная конструкция. Единство составного имени основывалось на единстве обозначаемого им понятия. Грамматически подчиненным компонентом являлось прилагательное, а в качестве семантически подчиненного компонента выступало существительное, поскольку оно определяло лишь частеречную принадлежность образования. Конструкция βлτφψψφζ χνηткφ употреблена в значении “*предательство, измена*”: φψβ χ ψβω νφт βлτφψψε. χνηтке γφχкфкβ (Отписка тобольского воеводы. 1609). Конструкция ρηφδφδφζ ηφψφ в определенном контексте могла обозначать “*войну, раздор, распри*”: χβ. δткτβ ρηφδφδ\. ηφψ) \νβιβк (Перевод печатных листов с вестями из Лондона и др. мест. 1652). Конструкции

κμδρδφζ ρφ;φ и κβχμζ ρφ;φ могли иметь значения “смелость” и “хитрость” соответственно: φψ] δβλβν ξνφ τω) κδρδφβ ρφ;θ φλφκэνβ ψτφφξψ7 β φβ φ,κτζτν κβχμ. ρφ;) (Перевод письма Исаака Массы из Голландии царю Михаилу Федоровичу. 1627). Прилагательные несли основную семантическую нагрузку, так как именно они способствовали перемещению номинации в разряд абстрактной лексики. Как правило, составные именные конструкции не закрепились в системе языка, так как они являются принадлежностью стиля определенного автора.

3. Метафорические дериваты могли выполнять роль компонентов составного наименования. Сдваивание представлений о разных классах объектов могло происходить посредством сопоставления конкретных / отвлеченных и абстрактных понятий. Так, слово ωδэв] являлось метафорой в значении “лучшая часть, проявление, порождение”, при этом слово ρφηφκτδχνδφ могло быть понято по-разному: как “страна”, “власть, правление”, “народ”, “земли” или в совокупности всех этих значений: ωδэв αηψω);χρφφ ρφηφκτδχνδφ (Перевод печатных вестовых тетрадей об осаде города Рошель. 1627–1628).

4. В качестве метафор необходимо рассматривать фразеологизмы с метафорическим значением. В процессе функционирования слова на каком-либо этапе его развития возникали устойчивые, регулярные словосочетания. Эти устойчивые, типизированные связи слова начинали осознаваться как самостоятельные. Контекстные значения, реализуемые в них, становились значениями глагольно-именных конструкций. Образования обозначали абстрактные понятия, связанные с социальной, духовно-нравственной или политической деятельностью людей. Так, образование ψφ ιтт κт;φνβ имело устойчивое, фразеологически связанное значение “находиться на иждивении, попечении”: χφκλφνσ \ ψβ[ψφ ιтт κт;φν (Перевод вестового письма А. Кушкулю. 1652). Глагольно-именная конструкция ψφ δστ ψφχβνβ обозначала “ответственность, которую несет человек за поступки другого человека”: υηε[β νδφβ ψφ χδφτβ δστ ψφχβκ] (Третье послание Курбского Ивану Грозному. XVI в.). Метафорическое употребление в значении “начинать действовать, проявлять себя активно, обретая уверенность в себе, в своих силах” приобрела глагольно-именная конструкция υφκφδс γφλσφφνβ: δφκψφδψωσ φγ□ν υφκφδс γφλσφφ.ν (Перевод печатных листов с вестями из разных мест. 1652). Эти метафорические образования закрепились в языке и сейчас употребляются как фразеологизмы.

И в абсолютном употреблении, и как компонент составного наименования метафора первоначально обозначала абстрактное понятие, абстрагирование семантики имени существенно расширяло его сочетаемостные возможности.

III. Только в конце XVI – начале XVII веков в текстах деловой письменности появились конструкции метафорического характера, схожие с современными, в которых в основе сравнения находились присущие сравниваемым объектам *функции и признаки*.

1. Одним из способов номинации в среднерусских текстах и в языке в целом является использование составных образований, в частности – соположение имен. Первоначально, по-видимому, следует видеть в таких именных конструк-

циях кальки с греческого. Так, семантической калькой слова **πρόσωπον** является слово **κβωφ** в значении “*лицевая, передняя, верхняя, внешняя часть предмета*”: **λφ κβωφ πтккβ** **φνλφ**. **γφркфψтψθт** (Письмо Черниговского архиепископа Лазаря Барановича к царю Федору Алексеевичу. 1676). Отличительной особенностью большинства заимствованных образований является присущая им единая схема построения: существительное + род. п. некоторых отвлеченных и абстрактных существительных. Встречаются и некоторые другие варианты соположения имен в метафорах. Древнерусский язык воспринял эти схемы для создания собственных по происхождению метафорических образований: **λтψυβ** **γηβδφл** **□ν** **χνфкмψст**, **кβт γφχтγт,η□μσ** **χ κβωф** (Указ о борьбе с злоупотреблениями воевод. 1620). Несомненно, после заимствования структуры метафоры схема построения наполнилась русским содержанием. Одноструктурные образования могли иметь различные основания для сравнения объектов – сходство признаков или функций.

1.1. Образование составных номинаций на основе сходства внешних признаков объектов. Сравнение ушей человека и ручек котла, предназначенных для держания, происходило на представлении об ушах как “*о торчащих в разные стороны, выступающих, боковых частях*” тела и предмета: **ρ ρφνκε ειβ** (Отписка кетского воеводы Чеботая Чельщцева. 1617). Нос человека и выступающая передняя часть судна объединены позицией *начала* и общим признаком *выступающей вперед части* тела и предмета: **βπ χλψφ δ ψφχ** (Переводы ведомостей, присланных из Польши. 1621). Слово **φκφδф** могло обозначать “*определенное количество какого-либо вещества*” на основе сходства внешней формы головы и вещества – “*обычно в форме шара или конуса*”: **φκφδф φфхкф** (Описные книги Посника Григорьевича Огарева. 1667). Сопоставление подола платья с нижней частью леса происходило в результате сходства их признаков – позиции *конца, края, нахождения внизу*: **ψф γφлфк ρ ηтξρβ** (Новосильская отказная книга. 1638). Название предметов могло образовываться от названий животных на основании сходства их признаков: **χδβψωε λδт χδβψμβ** (Отписка пелымского воеводы Петра Вельяминова. 1621). На основании сходства внешней формы воска и камня становится возможным соположение этих предметов: **λδф ρфтψψβ δφχρε** (Туровская уставная запись. XIV в.).

1.2. Образование составных номинаций на основе сходства функций сравниваемых объектов. В основу номинации детали колокола положено сходство функций языка – человеческого органа и детали колокола (служащей для издавания звуков при ударе о колокол) – *говорение* и *звучание*: **βχ ρφκφркфк φтλβ** **ψψφφφ δспδфψкβ β ;тктлψст □тсрβ** **γтγт,βкβ** (Калязинская челобитная. 1677). Место обозначалось словом **γφлφδф** в значении “*основание, нижняя часть*” в результате сходства общей функции – *основание*: **ηтξρβ εαν.υβ γφлφδф** (Из дела Устюжского съезжего двора. 1681).

2. В средневековых текстах также встречается метафора в абсолютном употреблении.

2.1. Образование номинаций на основе сходства внешних признаков объектов. Место обозначалось словом **φκφδф** и его производным **βлφφκфδμт** в зна-

чении “*вершина, верхняя часть чего-л.*” на основании присущего им общего признака *верха, нахождения вверху*: $\beta\tau\upsilon\kappa\phi\delta\beta$ $\rho\eta\phi\chi\psi\upsilon\phi$ $\square\eta\epsilon$ (Наказ красноярскому воеводе Архипу Акинфову. 1629). Первоначально слова $\upsilon\kappa\phi\delta\phi$ и $\beta\tau\upsilon\kappa\phi\delta\beta$ являлись метонимическими дериватами при обозначении верхней части кровати. Соотношение их с другими предметами или явлениями действительности позволяло сопоставлять присущие сравниваемым предметам внутренние и внешние признаки в результате метафорических процессов. Название предметов от названий животных также могло образовываться на основании сходства их признаков: $\pi\tau\kappa\psi\beta\xi\psi\sigma\tau$ $\sigma\rho\beta$ (Елецкая таможенная и кабацкая книга. 1626–1630), δ $\rho\phi\iota\rho\phi$ $\varphi\eta\chi\rho\beta$ (Отступная Игнатия Нечая Филиппова сына. 1569).

2.2. Образование номинаций на основе сходства функций сравниваемых объектов. Слово $\gamma\phi\zeta\chi$ употреблено в значении “*меридиан*” и соотносится с частью одежды в результате сходства функций *опоясывания, разделения, ограничения*: $\eta\eta\phi\tau$; $\theta\tau\pi\kappa$ $\lambda\phi$ $\chi\tau\eta\tau\lambda\psi\upsilon\phi$ $\gamma\phi\zeta\chi\phi$ (Перевод с печатного листа. 1654). В результате сходства определенных функций могли образовываться номинации от названий части тела человека: $\beta\tau\epsilon\nu$ $\lambda\beta\tau$ $\phi\rho\phi$ $\psi\phi$ $\delta\kappa\psi\phi\delta\phi\psi\omega\phi\delta$ (Перевод печатных листов с вестями. 1652) – функции *смотрения, наблюдения, видения*; $\tau\upsilon\lambda\phi$; τ $\square\upsilon\mu$ $\sigma\chi\upsilon\mu$ $\omega\phi\eta\tau\delta\phi$. $\underline{\eta\epsilon\rho\phi}$. (Послание дьякона Федора Иванова. XVII в.) – функция *помощи* в выполнении определенного рода деятельности.

Почти все эти образования имели терминологический характер. Многие из них в языке не закрепились или утратились в результате избыточности при терминологической синонимии (ср. подошва реки – русло реки). Практически во всех этих случаях со временем метафоричность стирается и образования не воспринимаются как метафоры.

IV. Если первоначально метафора, как и метонимия, была связана с процессом познания, то более поздние метафорические образования могли быть результатом творческой деятельности автора с целью создания экспрессивности текста. Зачастую этот процесс был связан с новой синтаксической ролью, которую метафора способна выполнять, – ролью сказуемого в составе предложения, структура которого вообще была не характерна для древнерусского языка: $\lambda\delta\beta\psi\phi$ $\eta\tau\rho\phi$ β $\delta\beta\chi\kappa\phi$ $\psi\tau$ $\tau\chi\nu$ $\kappa\beta$ $\nu\phi$ $\lambda\delta\epsilon$ $\rho\eta\phi\delta\phi\delta\zeta\tau$: $\beta\kappa\zeta$. $\rho\phi\nu\phi\eta\zeta\tau$ $\beta\tau$ $\gamma\phi\kappa\iota\beta$ β $\theta\pi$ $\kappa\beta\nu\delta\zeta$ $\phi\nu$ $\chi\tau\eta\omega\phi$ β $\phi\nu$ $\gamma\tau\epsilon\tau\psi\beta$ $\beta\lambda$ ν (Перевод письма Исаака Массы из Голландии. 1628).

V. Проанализированный материал дает право утверждать системность не только метонимических, но и метафорических деривационных процессов, поскольку различные способы выражения образных ассоциаций в языке находятся в системных отношениях. Системные отношения также проявляются в устойчивых связях метонимических и метафорических дериватов с производящим словом. Например, по модели называния изделия по названию материала, из которого оно сделано, строятся следующие метонимические отношения: $\lambda\tau\eta\tau\delta\phi$ (“*материал*”) – $\lambda\tau\eta\tau\delta\phi$ (“*оружие из дерева*”) (Договор неизвестного смоленского князя с Ригю и Готским берегом. 1229) – $\lambda\tau\eta\tau\delta\phi$ (“*мачта*”) (Перевод вестовых печатных листов. 1652), ; $\tau\kappa\tau\pi\phi$ (“*материал*”) – ; $\tau\kappa\tau\pi\phi$ (“*оковы из же-*

леза”) (Договор неизвестного смоленского князя с Ригию и Готским берегом. 1229) – ;тктлр (“оружие, меч”) (там же). Метафорические и метонимические дериваты характеризуются разными связями с производящим словом: если метонимические образования предполагают и сохраняют в смысловой структуре связь с исходным конкретным значением слова, то метафорическая деривация предполагает полное переосмысление или даже разрыв со значением производящего слова: например, γφζχ] (“вид, часть одежды человека”) – γφζχ] (“меридиан”) (Перевод с печатного листа. 1654). Метонимическая деривация, как правило, выражает типовые отношения, метафорическая деривация – чаще окказиональные, нетипичные.

VI. Анализируя процесс метонимической и метафорической деривации, мы проследили устойчивость словообразовательных связей дериватов и производящих слов. Эти связи носят системный характер в языке и определяют включение нового слова в тот или иной лексико-семантический класс. Нами было проанализировано около 6000 употреблений различных конструкций, из которых на долю текстов XI–XIV веков приходится около 500 метонимических дериватов и ни одного метафорического. С начала XV века в текстах деловой письменности начинают встречаться метафорические дериваты, они составляют примерно 25% от общего количества семантических дериватов, употребленных в текстах XV–XVII веков. Начавшийся в XV веке процесс метафоризации слова и текста получил широкое развитие только к XVII веку, поэтому наибольшее количество метафорических дериватов встречено нами в текстах деловой письменности XVII века.

Вторая глава диссертации *“Семантические деривационные изменения в смысловой структуре глаголов”* посвящена анализу образования и употребления метонимических и метафорических дериватов-глаголов. Деривационные метонимические и метафорические семантические изменения в смысловой структуре глаголов проявлялись в изменении иерархии лексико-семантических признаков, которое приводило к разрушению первоначальной категориальной семы и к актуализации других категориально-лексических сем.

I. Семантические изменения в смысловой структуре глаголов во многом определялись характером субъекта и объекта.

1. Если при реализации исходной категориальной семы субъект и объект действия являлись конкретными, то при метонимических изменениях субъект и объект могли быть выражены отвлеченными, а при метафорических – абстрактными понятиями.

1.1. Соположение глагола с отвлеченным существительным в роли субъекта. Так, глагол ;βνβ в значении *“иметься, быть в наличии”* выражал КС *“социальная деятельность”* и являлся метонимическим дериватом, если соотносился с отвлеченным понятием κρδк□ в роли субъекта: ησ,ψφ□ κρδк□ ;βδтν δ νэ[тлэ[πβтψ□□ β δтψ□□ (Монастырская выпись из писцовых книг на владения Троице-Сергиева м-ря. 1520).

1.2. Соположение глагола с абстрактным существительным в роли субъекта. Глагол ευφχfvβ в значении *“исчезнуть”* выражал КС *“эмоциональное состояние”* и являлся метафорическим дериватом, употребляясь с субъектом дей-

ствия, выраженным абстрактным понятием $\pi\phi\delta\beta\chi\nu\mu$: $\pi\phi\delta\beta\chi\nu\mu\ldots \psi\tau\epsilon\upsilon\phi\chi\psi\tau\nu$] (Третье послание Курбского Ивану Грозному. XVI в.). Глагол $\chi\epsilon\phi\nu\beta$ в значении “исчезнуть” в сочетании с абстрактными существительными мог выражать КС “бытие” и являлся также метафорическим дериватом: $\delta\pi\kappa\beta\ldots \epsilon\beta\delta\psi\eta\phi\delta\pi\phi$, $\tau\upsilon\kappa\epsilon$. $\gamma\phi\chi\phi[\epsilon, \rho\phi\nu\eta\phi\kappa\pi\lambda\tau;\phi\kappa\phi\phi\nu\upsilon\phi\chi\epsilon\lambda\phi\eta\kappa\pi\phi\gamma\chi\rho\phi\delta\phi\ldots \lambda\tau\chi\eta\epsilon,\kappa\tau\delta$ (Отпись подьячих. 1580). В данном примере субъект действия – $\gamma\phi\chi\phi$ (вид налогообложения на Руси) – абстрактное понятие.

1.3. Соположение глагола с отвлеченным существительным в роли объекта действия. В сочетании с отвлеченным понятием $\epsilon,\sigma\nu\rho\beta$ в роли объекта глагол $\beta\chi\omega\tau\kappa\zeta\nu\beta$ в значении “возмещать (убытки, расходы)” выражал КС “функциональное состояние” и являлся метонимическим дериватом: $\chi\delta\phi\beta\epsilon,\sigma\nu\rho\beta\beta\chi\omega\tau\kappa\zeta\nu\beta$ (Запись Матвея Иванова сына. 1569–1570). В смысловой структуре глагола $\delta\phi\lambda\beta\nu\beta$ могла выражаться КС “социальная деятельность” при употреблении с отвлеченным понятием: $\lambda\delta\phi\eta\mu\phi\chi\epsilon\lambda\phi\psi\tau\delta\phi\lambda\beta\nu\beta$ (Грамота Новгорода тверскому в. кн. Михаилу Ярославичу. 1304–1305). Позиция прямого объекта в контексте замещена отвлеченным существительным $\chi\epsilon\lambda$, обозначающим вид социально значимой человеческой деятельности.

1.4. Соположение глагола с абстрактным существительным в роли объекта действия. Например, глагол $\gamma\phi\lambda\eta\delta\phi\nu\beta$ в сочетании с абстрактным существительным $\chi\zeta\phi\chi\nu\mu\tau$, обозначающим эмоциональное и духовно-нравственное состояние и замещающим позицию прямого объекта, выражал КС “эмоциональное состояние” и являлся метафорическим дериватом: $\psi\phi\tau\upsilon\gamma\eta\phi\nu\beta\delta\psi\tau\lambda\eta\upsilon\phi\chi\zeta\phi\chi\nu\mu\tau\gamma\phi\lambda\eta\delta\phi\kappa$ (Перевод с вестовых листов. 1658). Глагол $\epsilon\nu\beta\iota\beta\nu\beta$ в значении “устранить” выражал КС “социальная деятельность” при употреблении с абстрактным понятием $\psi\tau\theta\upsilon\phi\lambda\sigma$: $\xi\nu\phi, \psi\tau\theta\upsilon\phi\lambda\sigma\phi\nu\kappa\phi\nu\eta\beta\psi\chi\rho\beta[\kappa\lambda\tau\beta\upsilon\beta\iota\beta\nu\mu$ (Перевод вестовых печатных листов, поданных А. Кельдерманом. 1651). Глагол $\chi\phi\lambda\eta\phi\nu\beta$ в значении “лишить” выражал КС “социальная деятельность” и являлся метафорическим дериватом. В сочетании с абстрактным существительным, обозначающим социальное положение, глагол обозначал изменение социального положения: $\chi\delta\zeta\sigma\tau\psi\eta\psi\sigma\beta\chi\phi\psi\chi\phi\lambda\eta\phi\iota\phi\chi\psi\phi\chi$ (Послание дьякона Ф. Иванова. 1666).

2. Одним из главных критериев метонимического мышления следует считать реализацию категории одушевленности – неодушевленности, которая отражает первоначальные лексические ограничения, связанные с выражением лица. Употребление глагола являлось метонимическим, если на грамматическом уровне происходило уподобление одушевленных субъектов и объектов неодушевленным и наоборот, при этом субъект и объект не могли быть выражены абстрактными понятиями. Так, глагол $\gamma\eta\beta\beta\nu\beta$ в значении “пролегать, простираться” выражал КС “бытие” и являлся метонимическим дериватом при замещении одушевленного субъекта действия неодушевленным: $\phi\nu\tau\eta\tau\upsilon\epsilon\gamma\eta\phi\lambda\delta\beta\psi\epsilon\nu\omega\phi\psi\tau\upsilon\lambda\tau, \gamma\eta\beta\iota\phi\kappa\pi\phi\beta\phi, \phi\kappa\phi\nu\phi$ (Отписка тобольского воеводы. 1611). Форма существования природного явления уподоблялась действиям человека. КС “качественное состояние” выражалась в смысловой структуре глагола $\pi\phi\kappa\tau\zeta\mu$ в значении “надолго остаться без движения (о деловых бумагах)”

при употреблении с неодушевленным субъектом действия на месте исходного одушевленного: $\phi \rho \epsilon \chi \xi \phi \square \tau \upsilon \phi \psi \vee \epsilon \lambda \eta \tau \delta \psi$. $\epsilon \gamma \beta \chi \omega \phi \delta \delta \chi \epsilon \lambda \tau \underline{\phi \kappa \tau \upsilon \kappa \phi}$ (Данная каргопольских писцов. 1554).

Глагол $\gamma \phi \omega \tau \eta \nu \delta \beta \nu \beta$ в значении “сделать недействительными, уничтожить, прекратить срок действия” выражал КС “социальная деятельность” при употреблении с неодушевленным существительным на месте исходного одушевленного в роли прямого объекта: $\rho \phi \phi \kappa \sigma \tau \chi \omega \square \chi \nu \phi \eta \sigma \tau \delta \chi \tau \underline{\gamma \phi \omega \tau \eta \nu \delta \beta \nu \beta}$ (Отпись старосты Варзужской волости. 1583). В современном русском языке процесс замещения одушевленного объекта или субъекта неодушевленным и наоборот при первоначальных лексических ограничениях употребления глагола приводит к метафорическим изменениям в смысловой структуре глагола. В древнерусском языке этот процесс происходил на метонимических основаниях, поскольку категория одушевленности-неодушевленности находилась на стадии формирования.

II. Семантические изменения в смысловой структуре глагола могли зависеть от характера других уточнителей глагольного действия. Например, разрушению первоначальной категориальной семы способствовало употребление отвлеченных и абстрактных имен в качестве конечного пункта движения, исходного пункта движения, места действия и др. Изменялись при этом валентные и синтаксические отношения деривата. Глагол $\gamma \tau \eta \tau \chi \nu \epsilon \gamma \beta \nu \beta$ в значении “нарушить” выражал КС “социальная деятельность” и являлся метонимическим дериватом, поскольку объектом преодоления являлось отвлеченное неодушевленное существительное $\gamma \rho \delta \tau \kappa \tau \upsilon \beta \tau$: $\gamma \rho \delta \tau \kappa \tau \upsilon \beta \square \rho \psi \square \tau \upsilon \beta \square \psi \phi \iota \upsilon \phi \underline{\gamma \tau \eta \tau \chi \nu \epsilon \gamma \beta \nu \beta}$ $\lambda \eta \tau \eta \pi \tau \nu$ (Жалованная и уставная грамота кн. Любарта Гедиминовича. 1321).

Глагол $\gamma \tau \eta \tau \chi \nu \epsilon \gamma \beta \nu \beta$ в значении “поступить несправедливо, нечестно” в устойчивом лексическом сочетании $\gamma \eta \phi \delta \lambda \epsilon \gamma \tau \eta \tau \chi \nu \epsilon \gamma \beta \nu \beta$ (Послание польскому королю Стефану Баторию. 1581) и глагол $\gamma \tau \eta \tau \chi \nu \epsilon \gamma \beta \nu \beta$ в значении “перейти, вступить (в чужую веру и т.п.)” в глагольно-именном сочетании $\delta \gamma \beta \delta \epsilon \eta \beta \gamma \tau \eta \tau \chi \nu \epsilon \gamma \beta \nu$ (Перевод печатной тетради об Оснабрюкском мирном договоре. 1648) являлись метафорическими дериватами, поскольку в роли пространственных уточнителей со значением “объекта преодоления” и “объекта достижения” выступали слова $\gamma \eta \phi \delta \lambda \phi$, $\delta \epsilon \eta \phi$, называющие абстрактные понятия.

III. Употребление глагола с существительными, образованными в результате метонимической деривации, способствовало переосмыслению значения глагола и втягиванию его в процесс метонимизации. Так, например, существительные $\upsilon \eta \phi \omega \rho \nu \phi$, $\gamma \eta \phi \delta \beta \kappa \phi$ метонимически обозначали “то, что написано в документе, документ”. Употребленный в сочетании с ними глагол $\gamma \tau \eta \tau \chi \nu \epsilon \gamma \beta \nu \beta$ также являлся метонимическим дериватом: $\gamma \tau \eta \tau \chi \nu \gamma \beta \nu \kappa \gamma \eta \phi \delta \beta \kappa \phi$ (Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных XII в.), $\upsilon \eta \phi \omega \rho \nu \epsilon \gamma \tau \eta \tau \chi \nu \epsilon \gamma \beta \nu$ (Данная спинских сябров. 1389–1415). Употребление глагола с существительными, образованными в результате метафорической деривации, приводило к метафорическим изменениям в смысловой структуре глагола. Например, глагол $\delta \rho \lambda \beta \nu \beta$ в глагольно-именной конструкции $\delta \rho \lambda \beta \nu \beta$ [кэ,] $\chi \phi \kappa \iota$ в значении “поддерживать дружеские отношения”, где оборот [кэ,] $\chi \phi \kappa \iota$ метафо-

рически обозначает абстрактное понятие “дружба”, выражает КС “межличностные отношения” и является метафорой: $\varphi\psi$ [$\kappa\alpha$] $\chi\varphi\kappa\mu\chi$ $\psi\beta\omega$ $\rho\beta\eta.\iota\rho\varphi$. $\omega\tau;\lambda\epsilon$ $\chi\varphi,\varphi$. $\delta\varphi\lambda\beta\kappa\beta$ (Допрос казака Якима Кузовченка. 1688).

IV. В смысловой структуре глаголов возможно совмещение дифференциальных признаков, способствующих одновременному вхождению глагола в разные лексико-семантические группы при выражении разных категориальных сем. Глагол $\gamma\varphi\nu\tau\eta\gamma\nu\beta$ в значении “утратить, лишиться чего-л.” в сочетании с существительным, выражающим абстрактное понятие $\nu\tau\eta\gamma\tau\psi\beta\tau$, мог выражать КС “эмоциональное состояние”, в сочетании с абстрактным понятием $\chi\delta\varphi,\varphi\lambda\varphi$ выражал КС “социальное состояние”: $\varphi\psi\beta$ $\gamma\varphi\kappa\varphi\psi\chi\rho\varphi\tau$ $\nu\tau\eta\gamma\tau\psi\beta\tau$ β $\chi\delta\varphi$. $\chi\delta\varphi,\varphi\lambda\epsilon$ $\nu\tau\omega$ $\gamma\varphi\nu\tau\eta$ $\square\kappa\beta$ (Боярский приговор об отпуске на свободу холопов. 1634).

V. В XVII веке появляются глагольные метафоры, которые представляют собой аналогичные современным образования, их метафорическое значение формально не связано с другими лексическими единицами на грамматическом уровне. Однако уточнители глагольного действия в этих контекстах выражены имплицитно, они предполагаются. Глагол $\psi\varphi\kappa\tau\chi\nu\beta$ в значении “наговорить, наболтать” выражает КС “речевая деятельность”: $\eta\varphi\pi,\beta\eta\varphi\nu\mu$, $\rho\varphi\kappa\mu\rho\varphi$ $\nu\sigma$ $\psi\varphi\kappa\tau\kappa$] (Вопрос – ответ старца Аврамия. XVII в.). Можно восстановить потенциальные уточнители глагольного действия – $\psi\tau\eta\varphi\delta\lambda\varphi$, $\kappa\varphi;\mu$. Глагол $\gamma\eta\varphi[\kappa\varphi\lambda\beta\nu\beta\chi\zeta$ в значении “отдохнуть” выражает КС “эмоциональное состояние”: $\gamma\varphi\epsilon[\varphi\kappa$ [$\varphi\nu\square$ $\gamma\varphi\varphi\gamma\varphi\xi\beta\psi$] ν β $\gamma\eta\varphi[\kappa\varphi\lambda\beta\nu\omega\varphi$ (Перевод печатных листов. 1652). Имплицитно в данном контексте присутствует абстрактное понятие $\varphi\nu\lambda\sigma[\square]$. Глагол $\epsilon\chi\sigma\gamma\beta\nu\beta$ выражает КС “эмоциональное состояние”: $\rho\psi\theta\tau\beta$ $\chi\epsilon\omega$] $\varphi\gamma\kappa\iota\varphi\nu\beta$ β $\chi\sigma\gamma\beta\nu$ $\xi\nu\varphi$, $\rho\varphi\eta\varphi\kappa$. $\chi\tau,\epsilon$ $\delta\eta\tau\omega\square\gamma\eta\varphi\lambda\kappa\beta\nu$ (Перевод печатных листов. 1652). Потенциально подразумеваются абстрактные существительные $\lambda\beta\nu\tau\kappa\mu\psi\varphi\chi\nu\mu$, $\delta\psi\beta\omega\varphi\psi\beta\tau$. Их имплицитное выражение подчеркивается словоформой $\varphi\gamma\kappa\iota\varphi\nu\beta$.

VI. На материале памятников деловой письменности нами было отмечено более 5000 случаев употребления глаголов, в смысловой структуре которых наблюдаются деривационные семантические изменения, из них 65% – метонимические, 35% – метафорические. При этом только 20% метафорических употреблений глаголов имеют фиксированное значение в словаре, остальные случаи – контекстуальная метафора. Более 80% всех метафорических дериватов приходится на период XVI–XVII веков, их употребление фиксируется в текстах с XV века. Эти процессы были непосредственно связаны с реализацией возможности соотнесения конкретных и абстрактных понятий и активизацией этого процесса к XVII веку. В деловых текстах XI–XIII веков не встречен ни один случай метафорического употребления глагола, исключая случаи заимствования греческой метафоры. С течением времени в некоторых случаях связь метонимического значения с исходным была утрачена, в результате в современном русском языке слово или образование воспринимается как метафора: например, глагольно-именное сочетание $\delta\varphi\beta\nu\beta$ $\delta\delta\beta\psi\epsilon$, подтверждая мнение Н.А. Илюхиной, что “значительная часть образных языковых выражений, которые принято квалифицировать как метафорические, обязаны своим происхождением когнитивному

акту метонимического характера”. С другой стороны, некоторые метафорические образования не осознаются современным мышлением как метафоры, в этом случае мы имеем дело с мертвой (стершейся) метафорой.

В третьей главе “Символизация заимствованных греческих метафор” рассмотрен процесс ассимиляции греческих заимствованных метафор и христианских символов в древнерусском языке. Традиционно ученые называют метафорами заимствованные из греческого языка метафоры и символы, связанные с христианским вероучением. Неточность этого утверждения мы доказываем на материале лексических и семантических заимствований, подтверждая концепцию В.В. Колесова, согласно которой греческие заимствованные метафоры, попадая на славянскую почву через переводную литературу религиозного содержания, в процессе ментализации преобразовывались в символы, раскрывающиеся в тексте посредством ряда метонимических переносов. Заимствованные метафоры становились готовыми к употреблению, воспроизводимыми, синтаксически и фразеологически связанными формулами. В результате столкновения и наложения двух культур – древнерусской (языческой) и греческой (христианской) – народные представления славян и библейские символы взаимопроникали друг в друга, создавая сложную картину образов, происходило постепенное раскрытие символа, его укоренение в славянской ментальности и разрушение семантического синкретизма слова.

I. Процесс усвоения христианских символов прошел не сразу и имел определенные стадии внедрения заимствованных формул в письменную речь. Сначала заимствованное предложение цитировалось целиком, точно воспроизводился текст религиозного содержания. Затем могло происходить косвенное цитирование с указанием (или отсутствием его) на текст Священного Писания или автора. Например, в послании польскому королю Стефану Баторию 1581 г. Иван Грозный употребляет цитату: ψτ , κϕπψβντχ[] ε, φ φ , φπτ, δ φψ; τ δτηετντ, ενητ , φ υηφλ] δφ], [] ϕ γνβωε, ηερφ. χδφт. δφπτω. Однако в более раннем послании 1579 г. этот же автор переосмысливает ее соответственно личному опыту: фкβ δχ. ηεχρε. πτωκ., [] ϕ γνβωε, ηερφ. χδφт. δφπτωτiβ. Далее в состав определенного тематического отрезка текста могли включаться словосочетания или слова-символы с сохранением исходных грамматических и лексических связей в предложении. Последней стадией ассимиляции являлось вкрапление отдельных символов в речь, отражающее авторское мышление и авторскую картину мира.

Неизменность содержания заимствованных образований при их синтаксической и лексической вариативности в древнерусском языке позволяет говорить о раскрытии символа путем использования традиционных для древнерусского языка образных средств (прямого и скрытого сравнения, метонимии), а не о метафоре. В символическом значении были заимствованы из греческого языка многие зооморфизмы (названия человека с положительной или отрицательной оценкой): πδτημ, πωτβ, δφкр, ϕδωф, γтχ, фψτω и пр.: τυλф γηβλτν υφχγфлμ, δφпηфлетνωф φ ψтω β φ ρδωф] δφпδтχткβνωф (Грамота патриарха Филарета. 1622) (слово ϕδωф в символическом значении “духовные чада; паства, прихожане по отношению к духовному наставнику” является семантической калькой греческого слова **πρόβατα**), χββ δχт χфδφρεγβδiтχ[] φ, ηфφρω λβδβфφ πδтп []

ηφχγσ[φ[εχ□ υφηλφχνβ. λω□ρυφ (Соборный приговор. 1580) (слово πδτημ является семантической калькой греческого слова **θήρ**). Позднее, оторванные от исконного текста и утратившие связи с христианским учением, зооморфизмы стали характеризоваться метафорическим употреблением.

II. С одной стороны, раскрытие христианского символа происходило в результате метонимических переносов. С другой стороны, заимствование образцов создания метафор позволило сопоставить конкретные и абстрактные понятия, в результате чего происходило постепенное разрушение символа и формирование метафоричности текста и сознания. Так, например, заимствованная формула βχρφνβ χκφδσ β ξτχνβ, где глагол βχρφνβ является семантической калькой с греческого **διφάω**, становится образцом для собственно русских метафор, в которых глагол βχρφνβ мог употребляться с другими абстрактными существительными: νφ βτγκψ□νβ β λφ,ηφ βχρφνβ (Перевод речи английских послов в голландских Генеральных Штатах. 1651).

III. Некоторые конструкции создания метафор были восприняты языком эпохи средневековья, послужили для образования собственно славянских метафор и впоследствии стали своего рода типом литературной техники. Так, древнерусским языком была воспринята модель построения некоторых греческих метафор: существительные ,τπλψφ, υκε,βψφ, γηφγφχνμ, ζτφ, νμτφ, χτψμ + род. п. некоторых отвлеченных и абстрактных существительных. Так, слово υκε,βψφ (семантическая калька греческого слова **βάθος**) в сочетаниях с некоторыми конкретными существительными обозначало “*значительность, усложненность содержания*”: δ] υκ/βψτ ρψβυ] (Похвала киевскому в. кн. Святославу Ярославичу. 1073). Слово υκε,βψφ в сочетании с род. падежом некоторых отвлеченных или абстрактных существительных могло обозначать “*значительную степень проявления чего-либо (названного существительным)*” (также семантическая калька греческого слова **βάθος**): δφ υκε,βψε δγφλ χφτψεψβ□ (Послание Федора Карпова Максиму Греку. К. XV–XVI вв.). Слово ,τπλψφ могло употребляться в значении “*неисчерпаемая глубина; неизмеримость, несметность чего-либо*” (названного отвлеченным или абстрактным существительным) (семантическая калька греческого слова **βάθος**): δ] νφκβρε ,τπλψε χτ,τ γφυβ,τκβ γφηβψενβ (Послание страдальца христово отца Авраамия. XVII в.): ,τπλψε υκεγγχνδφ β ,τπετβζ (Третье послание Курбского Ивану Грозному. XVI в.).

В тех же значениях употреблялись слова γηφγφχνμ (**χάρυβδις**), ηφδ] (**κάπετος**), νμτφ (**ζόφος**): υψεχψφχνβ γηφγφχνβ. (Третье послание Курбского Ивану Грозному. XVI в.), φν ηδφ χφυητιτψβ□ (Первое послание Ивана Грозного Курбскому. XVI в.), δφ ντэ υφηλφχνβ (Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь. XVI в.), γηэл ν]τφτβ φυτκ] (Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных. XII в.). Слова γεξβψφ (семантическая калька с **πόντος**) и γφνφρ] (семантическая калька с **πηγή**) могли употребляться с положительной коннотацией: γεξβψφ. τβκφχνβ (Третье послание Курбского Ивану Грозному. XVI в.), γφνφρ] ,κφυφχνβ (Послание Федора Карпова Максиму Греку. XV–XVI вв.).

Как уже было отмечено ранее, в греческом языке вышеуказанные фразеологические сочетания были метафорами. Известные уже в ранних переводных текстах, они воспроизводились по памяти, а не создавались автором заново, и воспринимались древнерусскими авторами как синтаксически и фразеологически устойчивые конструкции (формулы), поскольку слово калькировалось в определенном контексте. Греческая метафора, по мнению В.В. Колесова, “является переводом с другого языка и, следовательно, в славянском все выражение целиком является не метафорой, а законченным символом. Метафора не заимствуется, она создается”. Впоследствии древнерусский язык воспринял эту схему для создания собственных метафорических образований, позволяющих сопоставлять несоотносимые понятия на основании их внутреннего сходства.

IV. Формульность древнерусской речи никогда не превращалась в штампы, так как в структуре формул происходили постоянные преобразования – синтаксическая и лексическая вариативность, в то время как содержание оставалось инвариантным, значение символа не менялось. Появлялись новые формулы, развившиеся на славянской почве. А.А. Потебня утверждал, что понимание заимствования изменяет его известным образом, свойственным родному языку. Например, конструкция $\delta \eta \epsilon \rho \beta \lambda \phi \nu \beta$, заимствованная из греческого языка, породила другую, собственно славянскую формулу $\delta \eta \epsilon \rho \beta \gamma \rho \kappa \phi ; \beta \nu \beta$ с тем же лексическим значением “отдать во власть, в чье-либо распоряжение”, не являющуюся метафорой: $\rho \eta \eta \kappa \tau \delta \chi \rho \lambda$. $\chi \beta \kappa \lambda$ $\beta \psi \sigma \omega$ $\kappa . \lambda \tau \omega$ $\delta \eta$ $\rho \theta$ $\gamma \rho \kappa \phi ; \beta \nu$ (Перевод печатных листов с вестями из разных мест. 1652). Соотнесение разных глаголов с существительным-символом уточняло смысл употребленной формулы.

V. Наибольшее употребление лексики книжного стиля отмечено нами в текстах, относящихся к официально-деловым жанрам деловой письменности, как делопроизводства, так и официально-деловой переписки, посланий. Некоторые обороты стали обязательной принадлежностью деловой речи: например, формулы $\chi \epsilon ; \epsilon \chi \zeta$ $\chi \psi \beta \omega$ $\gamma \tau \eta \tau \lambda$, $\phi \upsilon \phi \omega$], $\chi \epsilon \lambda \beta \nu \mu$ $\tau \omega \epsilon$, $\phi \upsilon$ δ $\chi \tau \omega$ $\delta \tau \rho \tau$ β δ , $\epsilon \lambda \epsilon \sigma \tau \omega$, $\rho \eta \tau \chi \nu$ $\omega \tau \kappa \phi \delta \phi \nu \beta$, $\phi \nu$ $[\phi \lambda \beta \nu \beta$ $\chi \tau \upsilon \phi$ $\chi \delta \tau \nu \phi$ и пр. Чаще всего они встречаются в официально деловых текстах – уставах, уложениях – и жанре частного делопроизводства – духовных грамотах.

VI. Нами было проанализировано около 1000 случаев употребления заимствованных греческих символов и метафор в деловых текстах XI–XVII веков. Из них около 85% – символы-существительные, которые составляют в текстах XI–XIV веков 24%, а в текстах XV–XVII веков 76%. Глаголы с символическим значением составляют 15% встретившихся нам образований, примерно 35% из которых относятся к текстам XI–XIV веков, а 65% – к текстам XV–XVII веков. Преобладание символов-существительных над глаголами с символическим значением позволяет нам утверждать относительную самостоятельность существительных в заимствованных метафорах и семантическую зависимость глаголов в глагольно-именных конструкциях. Высокая частота употреблений символов в текстах XV–XVII веков свидетельствует об активной ассимиляции христианских символов в деловой письменности на протяжении всей истории формирования литературного языка.

В создании языковой метафорической картины мира русский язык опирался на уже известную систему метафорических образований греческого языка, основной функцией которых было создание эмоциональности и экспрессивности высказывания, что реализовалось в более поздних метафорах славянского происхождения.

В **заключении** диссертации представлены основные выводы исследования. В результате комплексного анализа выявлены критерии разграничения метонимической и метафорической деривации и основные тенденции образования системы вторичных номинаций в период с XI по XVII века от расширения объема понятия на основе метонимии до изменения содержания понятия в результате метафорических процессов. Метонимия и метафора являлись важнейшими механизмами когнитивной деятельности и регулировали функционирование единиц лексического и ментального уровней, выступающих в роли средств моделирования категорий отвлеченности и абстрактности соответственно.

При анализе семантических дериватов нами были выявлены некоторые жанровые особенности и закономерности употребления метонимии и метафоры. Жанры, характеризующие собственно *делопроизводство*, наиболее подвержены формульности текста, они обладали достаточно четкой структурой, были ориентированы на определенный образец и в меньшей степени зависели от манеры изложения автора, в них отмечено наименьшее количество метафор. Документы этого типа содержат развернутую сеть метонимических дериватов терминологического характера. *Эпистолярные* жанры отражают личный опыт писца, обязательные для деловых текстов формулы занимают небольшую часть текста. В текстах *официально-деловой* письменности отмечается высокая частотность лексики книжного стиля, как правило, используются заимствованные формулы, раскрываются религиозные символы. Для *официально-деловой переписки*, отражающей эмоциональное состояние писца, также характерно употребление метафорических дериватов. Наибольшее количество метафор нами встречено в *частно-деловой переписке*, поскольку основной характеристикой этого жанра является лексическое богатство языка автора и манера изложения.

Тексты делового характера составлялись большим кругом писцов и в них при наличии определенных повторов и формул обнаруживается вариантность. Выбор лексики диктовался не только особенностями жанра, но и лексическим богатством языка писца и зачастую его образованностью. Авторское начало проявлялось также в создании и употреблении метафор: для метафоры характерно установление случайных связей, она напрямую связана с индивидуальным опытом и субъективным сознанием автора. Памятники деловой письменности не являлись авторитетными религиозными текстами, в них проявлялось авторское “я”, а в результате этого создавались условия для окказионального употребления слова в тексте. Среди огромного количества авторов можно выделить тех, чей язык характеризуется наиболее частым употреблением метафор: Андрей Курбский, Иван Грозный, Иван Геддон, П. Крузбиорн, Исаак Масса, М.П. Салтыков и некоторые неизвестные авторы. Многие метафорические образования, как и большинство окказиональных употреблений, явились принадлежностью стиля

конкретного автора и в языке не закрепились. Впоследствии часть конструкций перешла в разряд терминологии и фразеологии, остальные же в языке утрачены.

Анализ относительных количественных данных об употребительности метафорических дериватов в различные века дает право говорить о том, что традиционное представление о метафоричности древнерусских текстов во многом не соответствует реальному положению дел в деловых памятниках в частности и в литературе древнерусского периода в целом. Важным в соотношении метонимических и метафорических дериватов в различные века является то, что до конца XIV – начала XV века метафоры в текстах деловой письменности не встречаются, а метонимические изменения носят массовый характер, в то время как большинство исследователей семантики вообще не упоминают об этом способе деривации, говоря лишь о метафоризации древнерусских текстов. Начиная с XV века появляются единичные метафорические образования, которые к XVII веку занимают твердые позиции в ряду способов деривации и формируют систему принципов образования и функционирования лексических единиц. Значимость метонимической деривации с развитием метафорической не уменьшилась, так как эти типы реализовали разные языковые связи и отношения между омонимами. Метонимия и метафора в это время являются регулярными и продуктивными типами деривации, создающими разнообразные семантические модели и словообразовательные типы. Только в конце XVI – начале XVII века в деловых текстах появляются конструкции метафорического характера, схожие с современными, в основе которых лежит сходство присущих сравниваемым объектам признаков и функций. Со становлением в русском языке языковой категории абстрактности метафора начинает выполнять функцию украшения речи и создания экспрессивности высказывания, на формирование которой повлияло функционирование в текстах различных жанров заимствованных христианских символов и метафор из греческого языка.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Некипелова И.М. Образные языковые средства в переписке Ивана Грозного с князем Андреем Курбским / И.М. Некипелова // Подходы к изучению текста: Материалы Междунар. научной конф. студентов, аспирантов и преподавателей / Отв. ред. Т.В. Зверева. – Ижевск, 2003. – С. 31–42. (0,5 п. л.)
2. Некипелова И.М. Структура и семантика образных языковых средств в языке VI в. (на материале переписки Ивана Грозного с князем Андреем Курбским / И.М. Некипелова // Язык в пространстве и времени: Тезисы и материалы международной научной конференции 29–30 октября 2002 г. Часть 1. – Самара: Изд-во СамГПУ, 2002. – С. 38–43. (0,2 п. л.)
3. Некипелова И.М. Метафоричность лексем *собака* / *пес* в текстах публицистического и эпистолярного жанров XIV–XVI вв. / И.М. Некипелова // Шестая российская университетско-академическая научно-практическая конференция. Материалы докладов. – Ижевск, 2003. – С. 248–250. (0,1 п. л.)
4. Некипелова И.М. Символ *кровь* в средневековых текстах публицистического и эпистолярного жанров XIV–XVI вв. / И.М. Некипелова // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и

современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.). Труды и материалы: В 2 т. Т. 2. – Казань, Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2003. – С. 89–91. (0,2 п. л.)

5. Некипелова И.М. Реализация метонимического и метафорического типов семантической деривации в истории русского языка / И.М. Некипелова // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4–6 октября 2004 г.): Труды и материалы; Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина. – Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. – С. 190–192. (0,15 п. л.)

6. Некипелова И.М. Функционирование древнерусской речевой формулы *бить челом* в текстах деловой и эпистолярной письменности XI–XVII вв. / И.М. Некипелова // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи. Сб. ст. V Всероссийской научной конференции (с международным участием). В 3-х т. Том 2. – Соликамск: СГПИ, 2004. – С. 114–119. (0,4 п. л.)

7. Некипелова И.М. Метафоризация слова *рука* и конструкций с компонентом *рука* в текстах деловой письменности XI–XVII веков / И.М. Некипелова // *Ethnohermeneutik und Antropologie* / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. – 644 S. (Reihe "Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik". Bd. 10. Herausgeber der Reihe: H. Barthel, E.A. Pimenov). – С. 369–381. (0,7 п. л.)

8. Некипелова И.М. Процесс становления метафорического значения слова *свет* и конструкций с компонентом *свет* в текстах деловой и эпистолярной письменности XI–XVII веков / И.М. Некипелова // Вестник Удмуртского университета. Филологические науки. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2004. № 5 (Вып. 2). – С. 161–167. (0,3 п. л.)

9. Некипелова И.М. Греко-славянские языковые отношения: ментализация греческих заимствованных метафор на славянской почве / И.М. Некипелова // Русская речь в инонациональном окружении. Вып. II. – Элиста: КалмГУ, 2004. – С. 83–93. (0,5 п. л.)

10. Некипелова И.М. Судьба греческих заимствованных метафор в истории русского языка / И.М. Некипелова // Человек в мире культуры: Межвузовский сб. науч. и науч.-метод. трудов / Урал. гос. пед. ун-т – Екатеринбург, 2005. – С. 125–128. (0, 25 п. л.)